

Профессор Власов: эксперт ведь тоже человек...

12 декабря 2023, 13:14 Владимир Филичкин

Малозаметные детали, оставленные на месте преступления, неинформативные детали, тщательно собранные сотрудниками правоохранительных органов, после проведения экспертиз дают возможность воссоздать картину преступления, выяснить, виновен или невиновен подозреваемый... О ситуации в современной экспертной практике говорим с директором научно-исследовательского института судебных экспертиз «СТЭЛС», профессором Александром Власовым:

— Владимир Васильевич, возвращаясь к излюбленной моей теме экспертизы, хотелось бы призвать всех участников этих событий, которые так или иначе имеют к этому отношение, хоть на этапах производства экспертизы, хоть при последующей их оценке уже в правовом поле, к тому, что любая экспертиза является только одним из доказательств. Которые на самом деле не находятся в привилегированном положении именно в силу своей нередкой неоднозначности. Неоднозначности и необъективности. Тем не менее тенденция к тому, что экспертиза является одним из главных доказательств, вторым, наверное, после признания. И совершенно понятно, что к этому должен быть тоже критический подход, потому что признание..., которое, еще по словам печально известного прокурора Вышинского, является царицей доказательств, — это на самом деле вообще извращенное представление о самом смысле поиска справедливости...

— Александр Юрьевич, я вас послушал и пришел к окончательному выводу, что эксперты у нас в обществе, и вы в том числе, являются, наверное, самыми знающими людьми. То есть вот сидят все участники процесса, плохо что-то понимают, но тут приходит всезнайка-эксперт и беспелляционно заявляет, что вот то-то и вот то-то должно признаваться вот так-то. И на основании этого заявления судья выносит приговор.

— Это был бы идеальный вариант, к которому стоит стремиться...

Наши знания о мире ограничены...

— Так надо как-то отбирать тогда экспертов. Как в Китае средневековом, какие-то сверхсложные экзамены устраивать для выявления интеллекта и жизненных познаний.

— Как их можно выявлять, если, например, согласно нашему законодательству, роль полноценного эксперта в государственных экспертных учреждениях делегируется людям без высшего образования.

— А вот у вас работает красивая девушка-эксперт Анна, она окончила институт и в дипломе у нее написано, что она эксперт. Так ее как вообще отбирали на этот факультет экспертизы? То есть ее там лет с семи начали вести по жизни какие-то особо умные люди, отслеживать ее интеллектуальные процессы, смотреть, читает ли она каждый день по книжке?

— Нет, ну такие подробности ее биографии мне неизвестны.

— Меня заинтересовало вот это безапелляционное утверждение в дипломе, что данный человек получил квалификацию «эксперт». То есть эксперт — это человек, который обладает какими-то особо глубокими познаниями в какой-то отрасли человеческого знания. Это, допустим, эксперт — судебный медик, а если просто эксперт, то это означает, что он просто всезнайка, знает все.

— Ну, что делать? В образовательном процессе и особенно потом в документальном оформлении этого процесса есть много недостатков. Конечно, нельзя без некоторой иронии воспринимать вот такой статус «эксперт» вообще.

В поисках истины...

— Нет, ну она хорошая девочка. Но я к тому, что она молодая. Для меня все-таки эксперт — это человек поживший... Есть же теория, что человек, как бабочка, должен пройти определенные этапы развития, прежде чем раскрыть крылышки. А раньше и не получится перескакивать через один процесс, то есть из личинки сразу в махаоны прыгнуть.

— Формально-то этот процесс ведь тоже отрегулирован. В каждой экспертизе эксперт должен указывать стаж своей работы, квалификационную категорию и наличие, допустим, ученой степени, ученого звания и так далее для создания полноценного портрета, профессионального портрета в глазах участников судебного процесса. Но на самом деле в реальности вот это формальное требование в большинстве случаев игнорируется. И тот же судья говорит: «Какая разница? Вот вы эксперт, она точно такое же высокое звание эксперта носит, хотя стаж работы, допустим, две недели. Какая? В чем между вами разница?»

— Ну, здесь ведь умственные способности главное, необязательно работать двадцать лет, если ты умный человек. Может, у нее какие-то особые способности. И она, там, с четырех лет читает Библию и труды Карла Маркса. А кто-то 25 лет проработал экспертом, но при этом газеты использовал исключительно для подтирки.

— Нет, я с этим совершенно согласен. И еще с древним тезисом о том, что не обязательно мудрость приходит с годами, иногда годы приходят одни.

— **Так все-таки, Александр Юрьевич, если человек устраивается на работу экспертом, значит ли это автоматически, что за ним признали какие-то особые, глубинные познания в данной области человеческого знания?**

— Парадокс-то как раз состоит в том, уважаемый, что штат экспертов во многих областях занимается как раз теми людьми, которые оказались не востребованными в своей специальности. Это имеет отношение и к медицине, и к криминалистике. Ну, как таковая вот ситуация, например, в бюджетных учреждениях — эта специальность никакой чрезмерной привлекательностью не обладает. Если человек, конечно, не фанатик какой-то определенной деятельности, что на самом деле большая редкость.

— **Нас в свое время в судебно-психиатрической экспертизе учили, что экспертное мышление — это высшая форма врачебного мышления.**

— Теоретически да, но теоретический подход — это одно, а реализация в практике — это совсем другое.

— **И когда мы изучали историю болезни симулянта какого-то, мы прекрасно понимали, что врачи-клиницисты относятся с повышенной доверчивостью к рассказам, субъективным повествованиям пациента, который решил прикинуться кем-то. А мы, как эксперты, воспринимали все это критически. И вот этот критический подход, мне кажется, дает изрядные плюсы...**

— Вы опять идеализируете роль эксперта. Хорошо, когда этот критический подход оснащен еще и достаточным знанием, и пониманием, как его применить в данном случае.

— **В большинстве случаев эксперты поддерживают линию обвинения, следствия, прокуратуры и суда, я так понимаю, потому что это классово близкие им люди. А вот адвокаты, по расхожему мнению, представителей этой группы — это, в общем-то, какие-то проныры, которые за деньги пытаются отмазать отвратительных людей от ответственности, которая им положена по закону.**

— Ну, я бы не стал так уж уничижительно говорить об адвокатском сообществе в целом.

Нашел истину, и что с ней делать?

— **Я про отношение к адвокатам. Понятно, что адвокаты — это разные люди, естественно. Но классово чуждые. Они ведь мешают работать обвинению...**

— Ну, это, конечно, неправильное представление, потому что если бы не существовало адвокатов, то тогда, собственно говоря, нет необходимости и в судьях.

— А у нас же был такой период в истории государства советского, когда открыто заявлялось: зачем нам адвокат, когда есть народный следователь, который всесторонне должен изучать ситуацию по делу?

— Ну, в том же первобытнообщинном строе...

— А вы приравниваете их?

— Они здесь большой степенью сходства обладают — такой классовый подход и какие-то варварские обычаи и традиции...

— Так все-таки, профессор, сделайте вывод. Вы так много всего интересного рассказали. В чем же смысл вашей темы, вот этого вашего гласа вопиющего в пустыне? Все-таки молодцы англичане, что не подменяют решения, объективные решения суда какой-то внутренней убежденностью? А говорят, вынося вердикт: «Ну, может быть, в принципе». Мне кажется, нормально, что они это признают...

— Нормально только тогда, когда это не выливается в процессуальные решения. А между тем в решениях Британского суда заложена эта формулировка — «скорее всего». Ведь тем не менее финальным аккордом этого решения является какое-то реальное процессуальное действие...

— Ну, мы же сейчас упираемся в неизлечимый парадокс, что ограниченность человеческих возможностей, ограниченность человеческого знания, ограниченные способности человека достигать истины какой-то... это же изначально все присуще человеку? Если снять с женщины-судьи мантию, под ней окажется обычный человек... Точно так же и с экспертами, со следователями. Если у него забрать удостоверение следователя, то он мало внешне будет отличаться от соседа-сантехника. Или у него нимб над головой, свечение и он может смотреть вглубь вещей и явлений?

— В идеальном варианте — да. Но для того чтобы провести такую селекцию и настоящий грамотный профессиональный отбор, который бы проходили только люди, обремененные и знаниями, и интеллектом, и жизненным опытом, практическим опытом и так далее, нужно же еще какое-то дополнительное оснащение. Хотя бы в виде той же заработной платы.